

Ольга Фишман

KEGRINPÄIVÄ В УСТНЫХ И ПИСЬМЕННЫХ БИОГРАФИЯХ ТВЕРСКИХ КАРЕЛ¹

В 1937 году в журнале «Советская этнография» была опубликована статья известного этнографа Г.С. Масловой “Kegrin päiva”, остающаяся до сих пор единственной работой на русском языке, посвященной архаичному осеннему празднику тверских карел — дню Кегри². Статья была написана на основании сведений, полученных во время экспедиции 1931 года Московского областного музея и Калининского педагогического института в ныне не существующую деревню Комоедиха Ново-Карельского района (б. Толмачевская вол.) Калининской области, а также повторной командировки автора в 1936 году в карельские деревни этого и Лихославльского районов. Лично Масловой день Кегри не наблюдался, так как, по ее словам, в этих местах «обряд бытовал лет 30–40 тому назад». Однако память о нем была достаточно полной, притом что объяснение названия праздника сообщили только жители уже упомянутой деревни: «Kegri — пугало; Kegrin päiva — “пугало-день”». Высокий профессиональный уровень автора позволил составить довольно четкое его описание с указанием локальных и временных различий.

1. Kegrin päiva³ — «один из своеобразных обычаев, являющийся пережитком древних социальных отношений и религиозных представлений», прежде всего связанных с культом мертвых. 2. Основные элементы: изготовление каши и поминание умерших родственников; маскирование или закрывание/замазывание лица группой или одним ряженым; наличие у Kегri таких устрашающих атрибутов, как горб, палка, ухват и т.п.; запугивание. 3. Время празднования — 2 ноября — совпадало с окончанием полевых работ и началом нового хозяйственного года и женских занятий по обработке шерсти, льна, прядению. 4. «Утратив свое обрядовое значение, “Kegrin päiva” в измененной форме существовал в виде полубабы довольно долго».

Мои более поздние полевые данные свидетельствуют, что день Кегри сохранялся у отдельных локальных групп тверских карел значительно дольше, чем было установлено Г.С. Масловой — вплоть до конца 1950-х годов. Словарный материал, собиравшийся с 1930-х годов петрозаводскими лингвистами

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 08-04-00318а «Устное повествование как источник для исследования биографии и меняющейся картины мира».

² Маслова Г.С. “Kegrin päiva” у карел Калининской области // Советская этнография. 1937. № 4. С. 150–152.

³ Разночтения в написании праздника в тексте статьи отражают 1) различные нормы карельского языка в первые годы создания письменности для тверских карел в 1930-е годы и современные словарные — 1990-х годов; 2) особенности цитируемых текстов (Г.С. Маслова, А.А. Беляков, А.И. Лебедев); 3) диалектные различия разговорного языка (полевые записи).

и опубликованный А.В. Пунжиной лишь в 1994 году, также подтверждает устойчивость обычаев Кегри¹. Исследования финских и отечественных исследователей оценивают традицию как отголосок мифологических представлений о так называемом «времени раздела», характерном для древнего земледельческого календаря прибалтийско-финских народов². Облик и ритуальное поведение главного персонажа — Кегри, комплекс обрядовых действий участников подчеркивали кризисный, опасный, переходный характер календарного периода «безвременья». Символично-семантическая множественность праздника затрудняет его однозначную характеристику, но свидетельствует о специфической эволюции, отличной от той, которая известна по материалам финского праздника кекри/кеури, совпадавшего в XIX века с лютеранским Днем Всех Святых (2 ноября).

На примере устных воспоминаний об этом празднике, полученных в ходе полевой работы 1980-х годов, а также архивных записей карельских краеведов конца XX века рассмотрим коммуникативные аспекты исследования и интерпретации устных и письменных повествований биографического характера. Среди тех, чьими устными и письменными свидетельствами я располагаю, — люди разных поколений, пола, религиозных убеждений, образовательного уровня, характера трудовой деятельности, включая представителей сельской и городской карельской интеллигенции, то есть людей с различными социальными статусами; с уникальными и одновременно типичными для своего времени судьбами.

Очевидно, что их рассказы и записи о прошлой жизни — это некая версия, или реконструкция, социальной действительности, отражающая субъективный характер восприятия истории и культуры тем или иным человеком. Именно поэтому до сих пор остается дискуссионным даже то, можно ли считать автобиографический нарратив социальной реальностью, артефактом или же системой культурных символов.

Отмечу, что личные сообщения о жизни всегда были одним из основных этнографических источников, но лишь недавно «парадигмальный сдвиг» в гуманитарных и социальных науках в сторону познания личности позволил биографии занять достойное место и в предметной области этнографической науки. Во многом это произошло благодаря работам фольклористов по изу-

---

¹ «Kegri — ряженный во время древнего осеннего праздника, завершающего аграрный год, который праздновали через неделю после Казанской; у кегри одета шуба наизнанку; для кегри нужно приготовить клубок спряденной шерсти» (Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. С. 93). Ср. с примерами из других словарей: 'страшилище, которым пугают детей' (Suomen kielen etymologinen sanakirja. Part. 1–7 // Lexica societatis Fennougricae. Vol. XII. Helsinki, 1981. Part. 7. P. 178); 'старый осенний праздник, «кекри», окончание полугодия в прошлом', 'изображение старика, помещенное в углу избы на празднование «кекри»' (Karjalan kielen sanakirja. Part. 1–5 // Lexica societatis Fennougricae. Vol. XVI. Helsinki, 1974. Part. 2. P. 119, 120); 'к'эгр'я, т'эгр'я' — 'черт, нечистая сила' / 'страшилище, которым пугают детей' / 'старый мужчина, старик' (Новгородский областной словарь / отв. ред. В.П. Строгова. Новгород, 1993. Вып. 4. С. 38; 1995. Вып. 11. С. 28).

² *Vilkuna K.* Finnisches Brauchtum im Jahreslauf // Folklor Fellows Communications. Helsinki, 1969. № 206. S. 288–291; *Шльгина Н.В.* Финны // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. Конец XIX — начало XX в. / отв. ред. С.А. Токарев. М., 1973. С. 122–123.

чению индивидуального начала в творчестве известных народных исполнителей¹.

Отличительным признаком устного нарратива по сравнению с письменным является влияние на него личности интервьюера, а также способов его фиксации. Кроме того, в рассказе более очевидны «факты умолчания и переключения на более безопасные темы, мифологизация ушедшей реальности и реидентификация ее в связи с текущим самосознанием личности, с осознанием ею конкретного момента и ее места в нем. Игра сознательного и бессознательного в устном повествовании выступает ярче и поддается уточнению посредством сопутствующих вопросов и действий интервьюера»². Именно поэтому при работе с устным нарративом или же биографией, записанной респондентом по предложенной схеме, следует особенно усилить анализ коммуникативной ситуации. Важную роль в процессе коммуникации наряду с контекстом общения играют особенности вербальной и невербальной коммуникации, стереотипы и предрассудки, типы или виды национального характера, основанные на особенностях этнического мировоззрения, а также на общих и индивидуальных особенностях эмоционального склада. Исследователи, обладая своим набором профессиональных стереотипов, различным уровнем восприимчивости к чужой культуре и степенью коммуникативности как таковой, используют различные стратегии поведения для снятия противостояния между собой и информантом, установления адекватного взаимопонимания и, наконец, диалогового общения³. Это неизбежно находит отражение в характере, полноте и достоверности биографических сведений и всей полевой информации в целом.

При анализе устных «историй жизни» и письменных мемуаров очевидные результаты дает биографический метод, который, будучи историчен по определению, стремится к созданию убедительного исторического объяснения сведений, заключенных в такого рода документах. Из всех интерпретаций биографического метода, используемого в литературоведении, структурной лингвистике, исторической и культурной антропологии, социологии, фольклористике и других «науках о человеке», наиболее всего коммуникативному аспекту анализа устных и письменных нарративов соответствует формулировка его сути в психологических исследованиях, данная известным ученым Б.Г. Ананьевым. Он подчеркивал, что использование этого метода позволяет «делать умозаключения о характере, самосознании, жизненной направленности, таланте и жизненном опыте той или иной личности», которая понимается

---

¹ Чистов К.В. Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (вступительное слово) // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: докл. III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения—99») / редкол.: Р.Б. Калашникова, В.П. Кузнецова, С.М. Лойтер, И.В. Мельников, Л.В. Трифонова. Петрозаводск, 2000. С. 7–15.

² Безрогов В.Г. Память текста: автобиографии и общий опыт коллективной памяти // Сотворение истории. Человек. Память. Текст: Цикл лекций / отв. ред. Е.А. Вишленкова. Казань, 2001. С. 38.

³ Фишман О.М. Исследователь и объект исследования (опыт полевой коммуникации) // Полевые этнографические исследования: материалы Восьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений / редкол.: Е.Е. Герасименко, В.А. Дмитриев, Д.В. Дубровский, А.В. Ковалов. СПб., 2009. С. 15–21.

как «современница эпохи и сверстница поколения, как объект и субъект общественных отношений и исторического процесса, субъект общения и общественного поведения — носитель нравственного сознания»¹. Именно с этих позиций будут проанализированы воспоминания о дне Кегри, записанные в ходе экспедиций к тверским карелам у А.Ф. Любимовой, а также изложенные А.А. Беляковым и А.И. Лебедевым — двумя известными карельскими краеведами — в их автобиографических записях. Проверка достоверности источников осуществлялась на основании массовой полевой информации, собранной в 1980-е годы у современников и сородичей Любимовой, а также материалов, содержащихся в уже названной статье Г.С. Масловой.

Анастасия Федоровна Любимова родилась в 1915 году в д. Стешково Вышневолоцкого у. Тверской губ., закончила 4 класса сельской школы. После войны и до выхода на пенсию жила и работала в Вышнем Волочке кладовщицей на складе, позже — бухгалтером. Вообще она предпочитала умалчивать подробности своей биографии. Была глубоко верующим человеком, жизнерадостным, стойким, несмотря на многие болезни. Сама вызвалась быть нашим проводником по родным местам, проявляя завидную скорость в пеших переходах. Жила она вместе с семьей своего сына, но в доме, поделенном на две части. Многое свидетельствовало о том, что странности мамы не устраивали сына и особенно невестку. Из этих странностей перечислю зарядку и обливание холодной водой в палисаднике, увлечение новомодными способами народной медицины, например диетой из одуванчиков.

Воспоминания А.Ф. Любимовой записаны в контексте беседы о календарных праздниках в 1925–1930-х годах. В ее последовательном изложении о Великом посте, а затем о Рождестве, когда «ходили ряжеными в шубы вывернутые», видимо, по ассоциации возникла тема Кегри. «Кегрипаят — дни кегри; кегри тулла — придут кегри из лесу; дети должны были напрясть шерсти мотки, как можно больше. Переодеваются женщины или даже старики. Пугали детей, что придут, а тебе нечем ударить». Для того и пряли мотки — «будет чем ударить кегри. Дети — девочки должны сидеть за прялкой. Дверь специально не закрывали; клубок рядом. Пугали, но и успокаивали: если ударишь (клубком), то с собой не возьмет. Прогоняли мотками шерсти. [Мой вопрос: как выглядел кегри? — ответ:] Лицо закрыто. [И далее:] В это время женщины были в доме... Это только один день. Кегри задабривали блинами»².

Впоследствии по моей просьбе А.Ф. Любимова написала очерк на русском языке о старой жизни своей родной деревни. При описании праздника она обратилась к индивидуальной памяти нескольких своих односельчанок, и тем самым ею было составлено некое аутентичное коллективное воспоминание уже родовой группы.

Среди тех, к кому обратилась за помощью А.Ф., были ее сверстницы 1905–1914 г.р. — колхозницы и одна сельская учительница русского языка, Ольга Александровна Белякова. Самое полное описание Кегри было получено именно от нее. Отмечу одно немаловажное обстоятельство коммуникативного свойства: для поддержания своего статуса Белякова никогда не говорила с од-

¹ *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977. С. 310.

² Полевые материалы автора (далее — ПМА). 1981. Тетр. 1. Л. 20 об. Спировский р-н, с/с Бирючово, д. Стешково.

носельчанами на родном языке, и это — как стало известно через год после нашего знакомства — при отличном владении им; более того, она обладала глубокими знаниями традиционной обрядовой культуры, в том числе из области тайных знаний. Ее дочь, А.Г. Белякова (1941 г.р.), записала от матери заговоры на карельском языке, которые никто в деревне уже не знал.

О.А. Белякова вспоминала: «Кегри — октябрь. 7 ноября по-новому; до Михайлова дня. Родительский день — поминальный. Нужно было пряхть, чтобы, когда кегри придет, бить его этой пряжей. На голове у него было одето что-нибудь худое. В руках палка и котомка»¹ / «Вывернет шубу, возьмет корзинку, палку. [У них в деревне Волхово — в пору ее детства так одевалась одна женщина. — О.Ф.] / Ходила тетя Груша, любили рядиться. Давали пирог, чтобы детей не брал. Пожилые люди ходили, по-одному; угощали блинами». [Детям говорили:] «Негодный, плохой, тебя кегри заберет» / «Если угостят, то собирает в корзинку / [тетя Груша. — О.Ф.] Говорила: “Ты озоруеть, заберу”. Пугали ребятишек, чтобы они смирнее себя вели»². Другие информанты уточняли: «Дети знали, когда он приходит в дом, то надо успеть ударить его по лбу; чтобы кегри не взял, надо было больше сделать шерсти».

По сравнению с данными Г.С. Масловой фиксируется дрейф времени проведения дня Кегри, путаница со старым и новым стилями, совмещение с советскими праздниками: «октябрь — после Казанской (22 октября по ст. ст.) / дмитриевская суббота (26 октября по ст. ст.) / «октябрь, до Михайлова дня» (8 ноября по ст. ст.); / «7 ноября по-новому» / между 11 и 19 ноября по новому стилю, то есть так или иначе до дня Архангела Михаила. Подчеркну, что рассказ о дне Кегри — при ответе на прямой вопрос о том, помнят ли информанты такой праздник, — обычно начинали с указания его даты в названные отрезки времени.

Так как память о празднике относится к детству информантов, они особенно подробно излагали то, что произвело на них тогда наиболее сильное впечатление: последовательность ритуальных действий, их ментально-смысловая составляющая. «Детей пугали: не ходи на улицу, там кегри, кехно». А.Г. Белякова, делясь своими детскими воспоминаниями, говорила: «Кегры был в сознании постоянно, как страх; вот ты не спишь — придет кегры, вот тебе даст. Будет ругать. Существо недоброе». Рассказывали, что «входил, не крестясь, здоровался, стоял у порога». Далее Кегри вступал в разговор: «Ты озоруеть, заберу»; «“Вы прядете, дайте мне”». Матери и давали ему шерсти». [На дополнительный вопрос: что еще давали? — ответ:] «то же, что и побирушкам» / блины / «давали пирог, чтобы детей не брал» / «Нужно было пряхть, чтобы, когда кегри придет, бить его этой пряжей» / «Дети знали, когда он приходит в дом, то надо успеть ударить его по лбу — кегрим оччуа вашожитта». При рассказе женщины зачастую переходили на карельский язык.

Если информанты Г.С. Масловой упоминали различные возрастные группы ряженных: молодежь, стариков и старух, то из более поздних описаний, которыми мы оперируем, явствует, что изменился их половозрастной и численный состав: чаще всего это были пожилые люди. По мере изживания традиции, в 1940–1950-е годы, это стал уже один персонаж — старуха, выступающая хранительницей карельских традиций.

¹ Слэшами обозначены одновременные записи, сделанные у одного информанта.

² ПМА. 1987. Тетр. 1. Л. 18–23 об. Спировский р-н, с/с Бирючово, д. Волхово.

Отмечу, что в этих воспоминаниях отсутствовала какая-либо оценка, тем более насмешка над старым обычаем, хотя рассказывали о нем, уже будучи покинутыми людьми и с позиции пройденного жизненного пути. Не случайно бывало и так, что первый вопрос о Кегри запускал некий механизм воспоминаний о прежней жизни. Главным в них оставалась «реальность опыта» безоблачного детства.

Для А.Ф. Любимовой устный и особенно письменный нарратив также стал способом возвращения в детство, переоценки своей судьбы, конструирования картины идеальных отношений в деревенском сообществе. Текст биографии свидетельствует о том, какое сильное воздействие на формирование ее личности оказала та непосредственная среда: деревенская жизнь, родственники, односельчане, — в которой она жила. Большое место в воспоминаниях занимает описание повседневности, взаимоотношений в семье, этапов и форм социализации молодежи. Мы встретились с Любимовой, когда она уже была на склоне лет, в ситуации личностного кризиса, именно поэтому она так легко и с удовольствием взялась за описание «докризисной» праздничной жизни, рецептов народной кухни, детских игр, песен ее юности; но есть и записи духовных стихов. Написание воспоминаний стало для А.Ф. Любимовой и средством излечения, помогающим «найти облегчение взрослому опыту страданий», так как через мыслительное оформление происходило очередное психологическое и эмоциональное примирение с внешним миром и самим собой, очередной этап социализации. Известно, что «сам акт припоминания <...> меняет облик прошлого <...> образ состоявшегося в прошлом события», в чем и выступает «работа памяти по их отбору и определенной схематизации»¹.

Те же задачи переоценки своей жизненной стратегии, самоидентификации и социализации решает в своих мемуарах и письменных записях о старой жизни карельских крестьян и Алексей Антонович Беляков. Но не только. Его тексты, как и аналогичные письменные свидетельства других краеведов, предназначены для читателей, кем бы они ни были. Из явных побудительных мотивов написания автобиографий выделю необходимость самооправдания, самоисповеди, самопрезентации и даже самоотпущения грехов, ведь пишутся они в преклонные годы. А.А. Беляков завершил автобиографию в 1972 году в возрасте 71 года и назвал ее «Эпизоды жизни. Воспоминания», в ней 116 машинописных страниц². Знаменательно оглавление, структурирующее текст: *Золотое детство; Высшее начальное училище; После окончания ВНУ; Школа II ступени; Как я учительствовал; Организация с/х артели; В деревне после армии; Дербужинская комсомольская организация; Козловская комсомольская организация; Козловская школа крестьянской молодежи; В Москве; В Лихославле; Опять в Москве; В Калинине*. Его автобиографию можно рассматривать как изображение «модельного варианта жизненного пути» человека советского общества 1920—1980-х годов. Алексей Антонович Беляков родом из глухой карельской деревни, принадлежит к поколению первой волны карельской интеллигенции советского времени, как и его младший брат, Александр Антонович, известный в Карелии филолог. Алексей Антонович окончил Институт по изучению народов СССР (ИПИИ), работал учителем, затем редактором многих карель-

¹ Безрогов В.Г. Память текста: автобиографии и общий опыт коллективной памяти. С. 9.

² ГАТО. Ф. Р-1363. Оп. 1. Д. 44.

ских издательств. Будучи аспирантом ИПИНа, активно участвовал в создании карельской письменности, известен как автор карельского алфавита на основе кириллицы. Был членом Комиссии по карелизации, одним из организаторов и руководителей Карельского национального округа. К моменту ареста в начале 1938 года по так называемому «Карельскому делу» (№ 13601) занимал должность заведующего кафедрой кареловедения. К слову сказать, в его автобиографии, законченной за 13 лет до рассекречивания в 1995 году дела о «карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации», нет ни одного слова, ни намек на 1930-е годы, а, как выяснилось, А.А. Беляков числился в нем первым номером.

После выхода на пенсию в 1961 году всю свою последующую долгую жизнь он посвятил изучению истории и традиционной культуры родного народа. Как краевед, автор ряда публикаций в местной газетной периодике был хорошо известен в общественных кругах области и среди карельского населения. Им написаны работы по истории и этнографии верхневолжских карел, собран карельский фольклор, составлена хроника важных событий гражданской истории. Эти и многие другие результаты его трудов хранятся как рукописи и машинописные копии в Государственном архиве Тверской области (ГАТО), районных архивах и музеях Тверской обл. и в Российском этнографическом музее (РЭМ). В этом тиражировании своих сочинений и воспоминаний я усматриваю желание А.А. Белякова, исходящего из опыта собственной нелегкой жизни, непременно сохранить свои знания и передать их потомкам, чтобы разоблачить, как он писал, «слухи, сплетни, легенды» об истории тверских карел. Важным мотивом для Белякова была и потребность в придании своему индивидуальному жизненному опыту надындивидуального характера, в назидании, в осуществлении тем самым связи с родным народом. В этом прослеживаются его склонности к просветительской/учительской миссии и научной работе.

Описание Кегри содержится в машинописном труде «Верхневолжские карелы: этнографический очерк» за 1981 год. «Карелы хотя давно уже приняли христианство, но продолжали праздновать Кегри, в детстве я имел представление о Кегри — это поросшее шерстью существо, живет в лесу. За плечами имеет большую сумку куда забирает непослушных детей и уносит их в лес. Однажды с окна я увидел на улице Кегри, который намеревался прийти к нам. Мы с братом спрятались на печке и выглядывали что будет дальше. Кегри пришел к нам и спросил у мамы: нет ли у вас непослушных детей. Мама сообщила, что в общем то дети послушны, но иногда бывает, расшались. “Ты пожалуйста не забирай их, я тебя накормлю ячневой кашей со шкварками”. Когда Кегри ушел нам мама сообщила, что хорошо что оказалась ячневая каша со шкварками, а то Кегри мог забрать нас в лес. Ведь не каждый день варим кашу, может случится, что Кегри придет, а каши у нас не будет. Тогда нужно будет всегда быть послушным, чтобы не забрал Кегри. День Кегри празднуется Дмитриеву субботу. Связано ли происхождение Дмитриевой субботы или нет, и вообще происхождение Кегри, остается загадкой. Соблюдение нехристианского праздника Кегри сочеталось со строгим соблюдением постов. Священники так внушили карелам необходимость соблюдать посты, что ни при каких обстоятельствах они не смели нарушить установленное правило»¹.

¹ ГАТО. Р-1363. Оп. 1. Д. 29. Л. 111–112.

Детские воспоминания А.А. Белякова совпадают хронологически и отчасти ментально с началом 1930-х годов и потому близки при анализе к исходному тексту Масловой, но описательно являются безусловно авторскими — автобиографичными. Текст Белякова представляет интерес и как коммуникативный акт — послание к потомкам. При этом обращает на себя внимание тот факт, что при описании старого крестьянского праздника Беляков переходит к просторечию, его язык заметно упрощается, обедняется лексика, включаются диалектизмы и карелианизмы, что отражает нормы обиходно-бытовой русской речи двуязычных карел. И это при том, что во всех своих исторических эссе он ориентируется прежде всего на использование книжного и журнального лексического фонда, к которому он тяготел по роду своих интересов и занятий или же считал релевантным признаком учености/книжности.

Высокая репрезентативность его сведений о традиционно-бытовой карельской культуре, фольклорных материалов, собранных и записанных на карельском языке (кириллицей), делают его воспоминания не только исключительным письменным нарративом, но и в целом важным типом этнографического и исторического источника.

О том, что индивидуальная память может быть шире коллективной, говорят и письменные воспоминания Алексея Иосифовича Лебедева (1918–1990). Как и А.А. Беляков, Лебедев принадлежал к плеяде первых карельских гуманистариев, хотя был моложе его на 17 лет и формировался как личность в условиях советского общества. Он был одним из первых карельских профессиональных историков, преподавал в Калининском пединституте. Первые публикации по истории Верхневолжья были напечатаны А.И. Лебедевым уже в 1938 году, вслед за этим им были написаны статьи по истории тверских карел, топонимии и ономастике. В числе подготовленных им рукописных монографий — «Переписные книги Бежецкого Верха 1709 года как исторический источник» (1968), «Тверская Карелия» (1980–1984; на 164 листах); «К этнической истории Верхневолжья» (1989)¹.

В главе «Материальная и духовная культура тверских карелов» рукописи «Тверская Карелия» автор пишет о Кегрин пйиво / «День Кегри», не напрямую ссылаясь в том числе и на статью Г.С. Масловой: «Этот персонаж социальных и религиозных представлений очевидно был связан с поминаниями предков. Но помимо прошлого, он был обращен в БУДУЩЕЕ — на воспитание детей путем внушения страха, с помощью пугала, роль которого играл Кегри... У меня в памяти осталось личное впечатление о посещении Кегри нашего дома вечером, когда на улице было уже темно, а днем о нем не слышно было. И навядывание Кегри под окно со стуком палкой в подоконник или раму повторялось в последующие 1–2 дня. Как выглядел этот Кегри. Наряжавшийся в Кегри надевал вывороченную мехом вверх шубу или тулуп, лицо мазал сажей или краской, приделывал лыняную бороду, усы, с кочергой или ухватом или палкой в одной руке, с корзиной или кошелкой — в другой (или за плечами). Иногда Кегри лицо накрывал сеткой или редким платком (при отсутствии бороды или усов). При входе в дом менял свой голос на напоминающий рычанье зверя. При этом посещались не все дома, а только те, в которых имелись малые дети [выделено Лебедевым. — О.Ф.]. Какая цель при этом ставилась перед Кегри? —

¹ ГАТО. Ф. Р-1523. Оп. 1. Д. 3; Д. 5.

Одна единственная — педагогическая: путем наведения страха в сознании детей, их испугом повлиять на дальнейшее поведение, чтобы они не капризничали, не озоровали и не шалили чрезмерно, были послушны и старательны в работе. Например, чтобы девочки старались прясть пряжу. При этом Кегри угрожал непослушным детям взять их с собой в лес»¹.

Исследователи автобиографических текстов обычно отличают те из них, которые предназначены для публикации (как тексты А.А. Белякова и А.И. Лебедева), от не преследующих таких целей (как текст А.Ф. Любимовой). Разница якобы заключается в том, что для первых «преимуществом является большая фактическая достоверность», необходимость придать повествованию некоторую литературную форму, а для вторых характерна «высокая степень раскрытия личного отношения к пережитому»². Но наши примеры не подтверждают полностью подобное наблюдение. Хотя и в различной мере, но устным и письменным нарративам свойственны и внутренняя цензура, и реконструкция, соответствующая конкретному моменту жизни человека и общества, и ошибки, и смещения, вызванные потребностью «рационально мотивировать любое событие с точки зрения “сегодняшнего” мировосприятия»³.

Более того, анализ карельских нарративов о Кегри подтверждает их принадлежность к единому жанру письменных автобиографий с общими для их авторов (несмотря на различие в статусах) этнопсихологическими концептами поколения первой трети XX века, включая и внутреннюю логику объяснения обрядовых норм, выработанных карельским крестьянским социумом. Отдельно подчеркну, что устные и письменные воспоминания А.Ф. Любимовой и А.А. Белякова сближает объединяющая их потребность в коммуникации, необходимости разобраться в себе, в осмыслении итогов своей жизни и закономерностей своей судьбы, в самовыражении, наконец. При этом в качестве отличительной черты нарратива А.А. Белякова выделю присущее ему, как человеку образованному и при этом жертве сталинских репрессий, «врагу народа», обостренное чувство этничности. Кроме того, влияние «образованности» на повествовательные стратегии карельских краеведов (Белякова и Лебедева) просматривается в уже отмеченной ранее назидательности текстов, их популяризаторской и пропагандистской направленности.

В целом сопоставление описаний дня Кегри в этих нарративах и публикации Г.С. Масловой говорит о высокой степени надежности и аутентичности анализируемых источников. Написанные в духе «истории жизни», они существенно дополняют круг используемых источников по этнографии тверских карел, расширяют возможности изучения традиционной культуры через целостный анализ картины мира человека этой культуры, его исторической памяти, восприятия себя в мире⁴.

¹ ГАТО. Ф. Р-1523. Оп. 1. Д. 5. Л. 131–133.

² *Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. Определение и истоки биографического метода в социологии // Библиотека «Полка букиниста» <http://society.polbu.ru/devyatko_socresearch/ch08_i.html>.

³ Там же.

⁴ На современном этапе развития биографического метода в социологии рассказы о собственной жизни приобрели самоценный и в определенной степени самодостаточный характер. «Истории жизни», в которых «совершаются базовые, фундаментальные процедуры смыслоконструирования и смыслополагания, — это уже не просто способ описания, отражения

В настоящее время информацию о Кегри, представляющую собой переложение или скрытое цитирование статьи Г.С. Масловой, архивных текстов А.А. Белякова и некоторых устных свидетельств, полученных от сородичей, а также современных финских исследователей, можно найти на официальных сайтах и в блогах Тверской Карелии. Представляется, что этот факт свидетельствует о современном осознании роли праздника в качестве одного из символов этнолокальной идентичности. Приведу некоторые примеры. «Православные, карелы еще в прошлом веке верили в своих собственных духов — духов дома, бани, гумна. Был у них и праздник — Кегри пяева, “День Кегри”. Спрашивал я у стариков-карел — да, вроде был такой, но с чем он связан, нет, не помнят — забылось уже. Лишь книги старые да статьи сохранили о Кегри память. Устраивался он поздней осенью, в Дмитриеву субботу. Кегри — противоположность верховного бога Юмала, поросшее шерстью существо, живет в лесу, за плечами сумка, куда забирает непослушных детей и уносит в лес. И вот, в этот день один-три веселых односельчанина наряжались в страшилища, на голову решето или горшок, шубу наизнанку, ноги шкурами заматывали, и перед окнами домов появлялись, всех пугали»¹.

Другой текст — статья о Кегри, написанная Т.А. Даниловой, библиотекарем из карельского села Толмачи. Она представляет собой контаминацию опубликованных текстов Г.С. Масловой, А.А. Белякова и устных свидетельств, сохраняющихся в памяти жителей некоторых карельских деревень до сих пор: «В старину отмечался у карел уже забытый теперь День “Kegri” — загадочный праздник, который, видимо, первоначально был языческим праздником смены года. В древности смена года происходила осенью после сбора урожая. Затем праздник стал отмечаться как праздник сбора урожая. Возможно, что Кегри — карельский бог — покровитель скота. В ночь на “Kegri” по домам ходили ряженые. Во время “Кегри” над скотом производили магические заклинания. Для “Кегри” надо было приготовить клубок пряжи. Жители деревни Васильки до сих пор помнят день Кегри. Рассказывали, что в этот день молодежь наряжалась в вывернутые наизнанку шубы и стучалась в дома. Непослушных детей пугали Кегри: “Вот придет Кегри, тебя заберет и снесет в лес”»².

Возвращаемые таким образом в информационный фонд коллективной памяти тверских карел сведения о Кегри стали одним из способов современной этнической коммуникации и одновременно формой межпоколенной трансляции и сохранения этнокультурной традиции. Очевидная востребованность таких свидетельств, сохраненная в воспоминаниях и записях предшествующих поколений и транслируемая в настоящее время средствами Интернета, противоречит широко распространенному мнению о «смерти» фольклора в современном мире.

и интерпретации социокультурного мира, но акта его творения и перетворения, акт мироустройства, а по Бергеру и Лукману — акт конструирования социальной реальности» (*Голубович И.В. Язык «историй жизни» и ренессанс биографического метода // Семинар РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики» <<http://childcult.rshu.ru/article.html?id=60443>>*).

¹ *Кривоцов Никита.* «Омаранда» под Тверью // Вокруг света. 1996. № 8 <http://www.transport.ru/2_period/v_sveta/1996_08/3.htm>. См. то же на сайте Тверской областной библиотеки им. А.М. Горького: <<http://www.tverlib.ru/karel/etno5.htm>>, а также сайт «Тверские карелы» <<http://tverinkarielat.ru>>.

² *Данилова Т.А.* День Кегри // Тверская Карелия. Лихославльский район <<http://karel.tverlib.ru/tvercarel/obichai/prazdniki.html>>.